

*Смирнов Сергей Борисович,
председатель Комитета образования
Приозерского муниципального района,
доктор культурологии, профессор.*

Достоевский, Ленин и богоборчество.

В 2017 году исполнилось сто лет русской революции и сто лет, как в России было восстановлено патриаршество. А в 2018 г. минуло столетие с начала гражданской войны и начала гонений на церковь. Нельзя сказать, что по поводу столетия этих событий в стране развернулась глубокая дискуссия. Больше говорилось о необходимости примирения потомков красных и белых и тех, кто был не за тех, не за других. В крови были и красные, и белые. Но победили красные – в том числе и потому, что были более кровожадны. И убивали сначала врагов, потом в невиданных исторических масштабах невинных, а в конце концов и друг друга. И я не могу с этим примириться. Да, христианин должен уметь прощать. Но можно ли примириться со злом? Ведь глагол «примириться» в русском языке близок по значению к другому глаголу – «смириться», то есть притерпеться, в чем-то согласиться с тем, что произошло, согласиться с оппонентом. Но можно ли согласиться со злом? И если зло есть дело рук дьявола, то можно ли примириться с сатаной? Я глубоко убежден, что воспитание молодежи, формирование у нее понимания значения, ценности и рамок свободы и ответственности невозможно без честных оценок нашей истории, правдивого изложения исторических фактов. С ней нужно говорить об истории, потому что незнание ее уроков лишает свободы, но при этом не освобождает от исторической ответственности.

В нашей стране современные коммунисты, да и не только они, пытаются совместить несовместимое: культ Ленина и Сталина с верой в Бога. Но Ленин и его наследники были последовательными богоборцами и борцами с церковью. Суть этого богоборчества трудно понять без обращения к гениальным прозрениям Ф.М.Достоевского. Сознание атеистов – персонажей его романов – двойственно: они нуждаются в Боге, чтобы Его отрицать. Тоже и Ленин. Он не мог упоминать о религии без проклятий, он был одержим потребностью хулы всего, с ней связанного: религия у него не иначе как «поповщина», «заигрыванье с боженькой», ибо «Всякая религиозная идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье с боженькой есть невыразимейшая мерзость... самая опасная мерзость, самая гнусная зараза». За этим кроется ощущение религиозной реальности как абсолютного врага. При чтении Ленина возникает ощущение, что эти тексты с их непрерывной хулой в адрес врагов того, что он считал единственно верным учением, написаны одержимым и не только в переносном смысле, человеком. И едва ли не главный предмет его одержимости

наряду с капитализмом – религия и церковь. При Ленине начались самые кровавые и массовые религиозные гонения за всю историю.

Напомню некоторые из его установок. 1 мая 1919 г. в документе, адресованном, главе ВЧК Дзержинскому, еще одному богоборцу, которого сегодня пытаются ползуче реабилитировать те его наследники, которые сегодня считаются православными, Ленин требовал: «Необходимо как можно быстрее закончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше». 25 декабря 1919 г., по поводу дня Николая Чудотворца, когда православные не работали, Ленин распоряжается: «Мириться с «Николой глупо, надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за «Николы». В условиях массового голода начала 20-х гг. «самый человечный человек» писал: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». Характерно, что даже сами коммунисты в дальнейшем стеснялись таких высказываний своего вождя, и они не были включены в полное собрание его сочинений.

Есть глубокая закономерность в том, что именно материализм является идеологией ленинизма. Ленинизм не материалистичен по мотивам и задачам – об этом свидетельствует опыт его претворения в жизнь. Но идеологией ленинизма может быть только материализм. Ленинизм не способен к критическому самоанализу, так как является философским и психологическим двоемыслием, описанным Оруэллом. Глубинной основой всякого двоемыслия является двоемыслие по отношению к Богу.

Фанатический атеизм ленинского типа возможен только тогда, когда религию отрицают как вредное суеверие, но с Богом борются, как с абсолютно враждебной, но реальностью. Предельная одержимость богоборчеством освобождает от всех материалистических законов, на реальности которых настаивали коммунисты. Эту логику раскрыл еще Достоевский в романе «Бесы» в образе Шигалева. Анализируя феномен нечаевщины (напомню, что Сергей Нечаев, революционер-народник, проповедовал, что ради победы социализма хороши любые средства, в том числе и преступные), Достоевский предвосхитил будущее воплощение коммунизма. В его романе Шигалев «предлагает, в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать. Меры, предлагаемые автором

для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо, посредством перевоспитания целых поколений, - весьма замечательны, основаны на естественных данных и очень логичны». Эту железную логику Россия испытала на себе, да и в современном мире отчетливо прослеживаются ее признаки.

Достоевский страстно боролся с представлениями о том, что человек плох, потому что его «заедает среда». И не случайно он назвал свой роман «Бесы». На материализме, не содержащем никакой этики, паразитирует бесовское богоборчество, которое не может выступать открыто, ибо самим фактом богоборчества признает того, против кого борется, - Бога.

Конечно, теория и практика ленинизма сегодня, слава Богу, мало актуальны. Но актуально иное им, во многом и порожденное. Это цинизм, возвращенный в последние десятилетия советской власти, когда с юных лет люди привыкли говорить одно, а думать другое. Материализм ленинского типа пришел к закономерному итогу - утрате нравственных ценностей и ориентиров. Этот цинизм, уже неприкрытый и демонстративный, стал знаменем постсоветской эпохи. А сегодня меня больше всего пугает то, что двоемыслие возвращается и завоевывает сердца уже новых поколений, выросших в 21 веке. И нет другого пути преодоления этого недуга, кроме правды, а ведь в правде - Бог.